

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Рюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jęgor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)intepretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

Александр Турыгин

Кострома, Костромской государственный университет

Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении русской истории XVIII в.

Reinhardt Koselleck's Theory of «Turning Points»: Possible Application
in the Study of Russian History of the XVIII Century

Abstract: The article considers the problem of historical time in historical works by the philosopher R. Koselleck. He is the author of a distinctive direction in historiography which is named conceptual history. Koselleck and his colleagues from Bielefeld University compiled *A Historical Dictionary of Political and Social Language*, in which they analysed and included more than 300 main historical concepts. The central theme in Koselleck's works is a turning point in history. A turning point is a short period of time when the lexicon and political vocabulary acquire and develop new concepts. The meaning behind them is associated with expectations of future changes in society.

Keywords: concepts, turning point, historical semantics, historical concepts

В середине XX столетия, на фоне методологического кризиса исторической науки, развернувшегося в западных гуманитарных науках, возникает авторское, оригинальное направление исследований, которое по-новому проблематизирует концепцию исторического времени, как времени, запечатленного в основных понятиях.

Кризис исторической науки, если кратко, был вызван сомнением в возможностях исторического метода познания, основанном на критике исторического источника. Историки вслед за Леопольдом фон Ранке, стремились писать историю такой, „какой она собственно была” исключительно на анализе преимущественно письменных источников, воссоздавая исклю-

чительную уникальность исторической реальности, отказываясь видеть в последовательности исторических событий какую-либо преемственность. Сложности возникли тогда, когда вслед за мировыми войнами общественность стала задавать историкам все больше вопросов о том, как они стали возможными и следует ли опасаться их в будущем, а, отсюда, можно ли современное общественное устройство европейских стран (послевоенную историю) рассматривать в отрыве от недавнего прошлого, от которого хотелось бы дистанцироваться. Где следует искать истоки современных европейских демократий? Историки старшего, довоенного поколения, в традиции Иоганна Густава Дройзена или Ганса Дельбрюка интересовались чаще всего античной историей, редко обращаясь к новой или новейшей истории, а, поэтому, стремились держаться от таких дискуссий на определенной дистанции. Послевоенное поколение историков, обратившись к исследованию новейшей истории, истоки которой они видели в раннем новом времени (конец XV – начало XVIII вв., ввели в академический курс, быстро ставшую популярной *Историю современного общества*. Особенностью *Истории современного общества* была ее междисциплинарная открытость, что дало возможность дополнить традиционный исторический метод методами социологии, психологии, лингвистики и др.

Один из оригинальных подходов к изучению современного общества был предложен билефельдским профессором Рейнхартом Козеллеком (1923-2006).

Рейнхарт Козеллек родился в польском квартале немецкого Гёрлица, в той его части, которая теперь является частью Польши (после 1945 года часть Гёрлица была передана Польше – Згожелец). Козеллек родился в семье педагогов. В годы войны принимал участие в боевых действиях на Восточном фронте, попав в плен, откуда в последний год войны был направлен в военный лагерь в Караганде. После возвращения из плена Козеллек поступил в Гейдельбергский, а затем в Бристольский университет. В университете Козеллек посещал лекции Мартина Хайдеггера, Карла Шмитта, Ганса-Георга Гадамера, Вернера Конце и др. После обучения в аспирантуре Козеллек успешно защитил диссертацию в Гейдельберге (1954). С середины 1950-х гг. Козеллек работал в Бристоле и Гейдельберге. С начала 1960-х гг. принимает участие в деятельности исследовательской группы по изучению социальной истории в Гейдельберге (позже он становится руководителем Гейдельбергского общества). После основания Билефельдского университета Козеллек получил профессиру на кафедре истории, где занимается проблемами исторической семантики, истории языка и социальной истории.

Козеллек предложил понимать прошлое через интерпретацию понятий, возникавших в разное время и менявших свое значение в дальнейшем. Об

этом было написано и до него: „Понятия – наши орудия, которые мы себе изготавливаем, чтобы подойти к предметам и подвергнуть их нашему познанию” – так сформулировал задачу историка один из основателей немецкой историко-философской традиции Ганс-Георг Гадамер¹. Благодаря усилиям лингвистов, философов и историков первой половины XX в., эта традиция нашла свое оригинальное завершение в специфически немецком варианте истории понятий.

В существенных чертах история понятий восходит к медиевисту Отто Бруннеру. Именно он, как принято считать, в 1930-е годы разработал ее основные элементы – сначала в своем докладе на XIX конгрессе немецких историков в Эрфурте в 1937 г., а затем в главном своем труде *Земля и господство*. Действительно, в 1937 г. Бруннер выдвинул требование новой исторической науки:

Перед лицом новой действительности, – писал он, – понятия времени, претендовавшего на то, чтобы сопоставлять со свойственными ему фундаментальными категориями любую историческую действительность, исчезают на наших глазах. То, о чем речь идет сегодня, – это ревизия (Revision) основных понятий².

Но Бруннер жил во времена национал-социализма, по мнению некоторых, сотрудничая с режимом, поэтому после войны о нем попытались забыть (в 1997 году израильский историк Гади Альгази подверг труды Бруннера резкой критике, утверждая, что тот, стремясь обратиться к новому содержанию понятий, ориентировался на „новый” порядок Гитлера).

После Бруннера, по мнению, распространенному сегодня среди философов, занимающихся историей понятий, она возрождается из инициативы Иоахима Риттера (1903-1974), который выпустил в 1971 году первый том *Исторического словаря философии* (*Historisches Wörterbuch der Philosophie*), где в предисловии разъяснил идею проекта. Она была связана с потребностью выявить взаимосвязь языка и мышления в исторической ретроспективе. Вместе с *Историческим словарем социально-политического языка в Германии* (*Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*) в семи томах под общим заглавием *Geschichtliche Grundbegriffe* (Основные исторические понятия), издававшийся с 1972 по 1992 г. тремя историками – Отто

¹ Г.Г. Гадамер, *История понятий как философия*, [в:] его же, *Актуальность прекрасного*, Москва 1991, с. 28.

² Цит. по: R. Koselleck, *Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte*, [in:] *Sozialgeschichte in Deutschland. Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang*, hrsg. W. Schieder, V. Sellin, Bd. 1, Göttingen 1986, S. 108.

Бруннером (1898-1982), Вернером Конце (1910-1986) и Рейнхартом Козеллеком (1923-2006) была заложена основа целому историографическому направлению – истории понятий.

Лейтмотивом к возрождению истории понятий в середине XX века послужило общее недовольство традиционной историей идей. Отказываясь признавать „онтологический статус идей” в истории и их выражение в понятиях, сторонники истории понятий сфокусировали внимание на „прерывности” идей, и, как следствие, изменении содержания исторических понятий. Обратившись к истории языка, исследователи обнаружили, что он заключает в себе

множество основных, ключевых и утративших свое первоначальное значение слов. Некоторые из них, внезапно появившись, быстро блекнут, другие, напротив, с момента своего появления в период античности сохраняют свое значение и продолжают структурировать наш социально-политический лексикон³.

Это позволило утверждать, что изменение социально-политического языка неразрывно связано с изменением идей, которые выражаются с его помощью. Основным фактором их „прерывности” выступали изменяющиеся на протяжении времени и в разные исторические эпохи внешние социально-политические и экономические обстоятельства.

Программные положения истории понятий Р. Козеллека были изложены во *Введении* к фундаментальному, многотомному исследованию, выходявшему под заголовком *Исторический словарь социально-политического языка в Германии* с 1972 по 1997 гг. Редакционный состав, как отмечает Луиза Шорн-Шютте, был подобран таким образом, чтобы стало возможным совместить три основные традиции германской историографии: Райнхарт Козеллек представлял историко-философскую, герменевтическую традицию Гадамера, Отто Бруннер являлся известным специалистом по ранней истории Европы, а Вернер Конце был авторитетным социальным историком⁴.

В качестве рабочей гипотезы было принято следующее утверждение, что „история конденсируется в определенных понятиях и вообще становится историей по мере того и в том виде, как ее понимают”, другими словами, „история интерпретируется через ее понятия, а понятия понимаются исторически: история понятий имеет своим предметом соединение понятия

³ *Geschichte Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Einleitung*, hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck, Bd. 1 (A-D). Stuttgart 1972, S. XIII.

⁴ L. Schorn-Schütte, *Neue Geistesgeschichte*, [in:] *Kompass der Geschichtswissenschaft*, hrsg. J. Eibach, G. Lottes, Göttingen 2002, S. 272.

и истории”⁵. Понятие в отличие от слов и терминов можно интерпретировать, оно, по сравнению с ними, не выступает как вполне конкретное в отношении обозначения какой-либо вещи, явления. Понятия способны к развитию, но утрачивают его, как только появляется термин. Смысл понятия меняется в зависимости от контекста, от общественно-политической реальности. Поэтому, изучение понятий и их развития возможно только в процессе изучения самой реальности, в которой они существовали и, возможно, продолжают существовать. В этом сторонники истории понятий видели ее связь с социально-структурной историей, ориентированной на изучение общественных, долговременных структур. Поэтому, исключительно лингвистический подход не был для истории понятий самоцелью. Чтобы противопоставить себя исторической лингвистике, сторонниками истории понятий новое направление было обозначено, как „историографическая история понятий” (*Historiographische Begriffsgeschichte*). Таким образом, целью истории понятий стала, по словам Козеллека, „конвергенция понятий и истории”⁶.

В методологическом отношении основу *Словаря* составила теория модернизации, одна из наиболее распространенных теорий в западных гуманитарных науках второй половины XX в. Исследуя изменение значения основных, „ключевых” исторических понятий, его авторы стремились проследить этапы возникновения современного общества, начало которому было положено в эпоху нового времени.

Авторы *Словаря*, полностью разделяя общее убеждение в том, что „язык источников представляет собой метафору истории, дающую ключ к познанию прошлого”⁷, исследовали значение около 300 основных понятий с момента их возникновения до периода современности. Под основными понятиями ими понимались

не специальные исторические термины, а ведущие понятия исторического процесса, составлявшие предмет исторического исследования. К их числу относились понятия „прогресс”, „история”, „государство”, „общество”, „класс”, „гражданин” и многие другие. Базовые понятия, по мнению Козеллека, представляют собой „непременную и неотделимую часть политического и социального лексикона. [...] Ни политическая, ни социальная акция не возможна без некоторого минимального запаса базовых понятий, что позволяет им сохраниться на протяжении долгого периода”⁸.

⁵ Р. Козеллек, *Введение*, [в:] *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х т.* т. 1, пер. с нем. К. Левинсон, Москва 2014, с. 38 (*Studia Europaea*).

⁶ *Geschichte Grundbegriffe. Historisches Lexikon...*, S. XXIV.

⁷ Там же, с. XIII.

⁸ См. Х.Э. Бёдекер, *Размышления о методе истории понятий*, [в:] *История понятий, история дискурса, история метафор. Сборник статей*, под ред. Х.Э. Бёдекера, пер. с нем., Москва 2010, с. 44.

В качестве примера можно взять введенное в широкое употребление Цицероном понятие „res publica”. Само по себе оно является уникальным, так как означает определенный порядок организации власти в Древнем Риме. Оно также имеет свою историю. Но попадая в поле зрения политиков, и начав широко артикулироваться ими, оно обретает новую историю. Таким образом, понятие, прежде существовавшее метафизически, приобретает динамику в речи, становясь актуальным. Его актуальность начинают связывать с определенным ожиданием возвращения в будущем к классическому идеалу политических отношений, для обозначения которых когда-то было введено это понятие. Поскольку идея „ожидания” связывалась с определенным временем, то понятия стали приобретать смысл движения. Появились многочисленные „измы”, как произошло в отношении понятия „республиканизм”. Так, определенные ожидания, основанные на собственном прогнозе, вкладывал в понятие „социализм” Маркс, полагая, что эта фаза в развитии общества будет достигнута вслед за „капитализмом”. Но он не предполагал, что в конце XIX – начале XX вв. века возникнут особые системы, как „империализм”, „национал-социализм”, „тоталитаризм” и т. д.

Конечно, взятые в качестве базовых, социально-политические понятия могут выступать мощным средством исторического познания, проливая свет на особенности восприятия людьми прошлого современной им политической действительности, на процесс „рождения” идей и закрепления их содержания в понятиях, но, можно согласиться с Гюнтером Лоттесом, что историко-семантическая интерпретация:

была бы гораздо более убедительней, если бы историки стали исследовать такие понятия, которые для своего времени имели бы дискурсивно-организующие функции, сохранившиеся до нашего времени или нет. В качестве таковых можно было бы назвать: „радость” и „добродетель”, „бедность” и „польза”, „порядок” и „предубеждение”. С их помощью можно было бы отказаться от привычного для истории понятий социально-политического редукционизма и видеть в понятиях и их содержании не только результат изменения исторических условий и обстоятельств, но и эмоциональную составляющую, возводящую понятия к человеку их создающему⁹.

Обратив внимание на связь исторических понятий с современностью, Козеллек определил их характерные особенности: *демократичность, отражение в содержании понятия больших периодов времени, идеологизированность, политизированность*.

⁹ G. Lottes, *Neue Ideengeschichte*, [in:] *Kompass der Geschichtswissenschaft: ein Handbuch*, hrsg. von J. Eibach, G. Lottes, Göttingen 2002, S. 263-264. (Перевод мой – А.Т.)

Во-первых, довольно долго, вплоть до эпохи Просвещения, специфической особенностью языка являлась его привязанность к определенной среде, сословию. Можно было говорить о языке аристократов, юристов, ученых, богословов и т. д. С течением времени „языковое пространство” начинает расширяться и включать большее количество участников. Этому способствовало появление множества самых разнообразных журналов, газет, брошюр. Таким образом, вследствие появления массовой литературы понятия, прежде связанные с определенным сословием, выходят за сословные рамки и, либо утрачивают свой первоначальный смысл, приобретая новый, либо становятся достоянием прошлого, выходя из привычного употребления. Так, например, уже упомянутые выше понятия „чести” и „достоинства”, со временем утрачивают индивидуальный смысл и становятся неотъемлемой частью нации, народа, общества. Иллюстрацией того, как понятия начинают неоднозначно трактоваться, может послужить пример с демократическим понятием „свобода прессы”, понимаемым одними членами общества, как освобождение от цензуры, другими – как её своеобразную „дерзость”, „распущенность”.

Таким образом, множественность значений понятий, их оторванность от определенной социальной среды, группы и всеобщая артикуляция свидетельствовали об особом виде их демократизации.

Во-вторых, второй, не менее значимой характеристикой современных общественно-политических понятий является отражение в их содержании больших периодов времени, динамики определенных процессов. Первоначально абстрактное и размытое понятие „республики”, характеризующее форму правления, под воздействием внешних обстоятельств, приобретает иной смысл, поднимаясь до понятия „политической борьбы”, когда речь шла об удовлетворении определенных требований, или выступает как понятие „движения” и „интеграции”, когда имеется в виду определенный процесс.

В-третьих, еще одной характеристикой является идеологизированность понятий. У Козеллека она определяется в зависимости от контекста их использования – экономического, теологического, политического, историко-философского, и свидетельствует о структурных изменениях в тех или иных сферах общественной жизни. Идеологизированность понятий подразумевает под собой, что базовые исторические понятия, позднее широко артикулируемые в речи, первоначально служили инструментом политической борьбы. Их введение в оборот узким кругом политических акторов, отражало их картину будущего, позволяя с помощью новых понятий формулировать модель этого будущего и отстаивать ее в процессе политической борьбы.

В-четвертых, говоря о том, что многие понятия периода современности стали формироваться на рубеже XVIII-XIX вв. важно отметить еще один

момент. Все понятия потеряли бы свой смысл, если и вовсе не исчезли бы, без присущей им политической значимости, приобретенной в ходе революционных событий. Употребление в эпоху нового времени таких понятий, как „революционер” и „реакционер” зависело от отношения личности к определенным политическим событиям и, в то же время, позиционировало её в дихотомическом соотнесении „своего” и „чужого”, что имело для нее самой определенные политические последствия.

Итак, все перечисленные характеристики имеют гипотетический характер и служат для того, чтобы отделить понятия эпохи нового времени, артикулируемые современным обществом, от существовавших ранее понятий.

На основании сформулированного Козеллеком определения истории понятий, как „историографического труда, связанного с историей образования, употребления и изменения понятий”¹⁰, можно обозначить границы ее метода. Здесь важно иметь в виду, что, во-первых, с помощью понятий мы можем интерпретировать прошлое, и, во-вторых, сами понятия имеют свою собственную историю. Метод истории понятий, таким образом, имеет своей целью анализ главных социально-политических понятий (специфический метод критики источника), а также, изучение условий, структур, в которых появляются понятия. При этом речь идет не об единичных событиях и обстоятельствах, а длительных структурах, в которых можно проследить историю понятий. Это позволяет провести аналогию между историей понятий и популярным в 1970-е гг. историографическим направлением, так называемой социально-критической историей, предметом исследования которой являлись общественные структуры большой временной длительности.

Одной из центральных идей концепции истории понятий у Козеллека является идея „переломного времени” („Sattelzeit”), приходящегося на вторую половину XVIII – первую половину XIX вв. (1750-1850 гг.). Конечно же, для каждой из европейских стран „переломное время” наступало по-разному. В одном из интервью Козеллек прямо указывает, что

для Франции это, конечно, классический период при Людовике XIV, потом революция 1789 года, тогда тоже были большие изменения. В Англии – это гражданская война. [...] В Италии „переходное время” наступило раньше, это эпоха Возрождения, великое время Флоренции и Рима, искусства, ремесла и банковская система¹¹.

¹⁰ Р. Козеллек, *К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий*, [в:] *История понятий...*, с. 31.

¹¹ *Интервью с Р. Козеллеком*, „Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории” 2005, № 15, с. 336-337.

Применительно к истории России, „переломным временем” принято считать период с 1700 г., так называемая „петровская эпоха”, когда в политическом языке империи начинают широко артикулироваться западные понятия, приобретая, тем не менее, национально-исторический окрас.

На „переломное время”, по мнению Козеллека, приходится то, что „старые понятия” полностью или частично утрачивают свое прежнее значение и, в зависимости от обстоятельств, приобретают иной смысл. „Переломное время” характеризуется напряжением между „сферой опыта” (*Erfahrungsbereich*) и „горизонтом ожиданий” (*Erwartungshorizont*), иными словами между смыслом, который вкладывался в понятия прежде и новыми значениями, которые будут им придаваться или уже начинают придаваться под воздействием внешних факторов (войн, революций, реформ). То есть, если прежде, до начала революционных событий, понятия, используемые в национальных европейских языках, отражали суть накопленного опыта, то позже с ними начинают связывать будущие ожидания, как возможные результаты уже произошедших событий. Так понятие „дворянин” до Французской революции включало понятия „чести”, „достоинства”, „благородства”, „власти”. После революционных событий, оно приобрело новые оттенки, и стало синонимично понятиям „реакционер”, „противник свободы”, „злодей”.

Намерению авторов *Словаря* проследить изменение значений основных исторических понятий соответствовала логика написания статей. Сначала в них изучалась история слова в эпоху раннего нового времени (с 1700 года), в основной части описывались изменения в содержании понятий в конце XVIII – начале XIX вв., и, наконец, в последней части исследовалось их современное значение. В качестве примера можно привести понятие „гражданин” (*Bürger*). В истории языка на протяжении длительного времени сохранялось данное Аристотелем определение этого понятия, которое в статье *Словаря* сравнивается со значением, которое ему придавалось в римском праве, в учении о суверенитете Жана Бодена, законодательстве Германской империи, политических и юридических текстах XVIII-XIX вв. (Георг Гегель, Карл фон Роттек, Карл Маркс, Фридрих Энгельс). Оказалось, что понятие „гражданин” в ходе исторического развития изменяло свое значение. Так, при его употреблении в 1700 году, имели в виду горожанина, в 1800 – гражданина государства, и в 1900 – человека непростарского происхождения. Это позволило проследить историю развития понятия от обозначения определенной социальной группы, сословия, класса, до субъекта, обладающего конституционным статусом.

Переломным временем для России было начало XVIII века. Для России это время Петра Великого. Именно тогда, вслед за многочисленными заим-

ствованиями, в лексиконе появляется понятие „гражданин” (В *Регламенте о государственной гражданской службе 1720 года*). Из *Регламента*:

Люди (подданные, слуги, рабы) разделяются на градских людей (обывателей, жителей) и духовенство. Градские люди делятся на граждан, подлых людей, иностранных. Граждане далее подразделяются на первостепенных граждан (знатные граждане) и регулярное гражданство (подлое гражданство) – не знатное¹².

Недавние исследования Галины В. Дуриновой и Дмитрия В. Тимофеева показывают, что в отличие от западноевропейской, немецкой традиции, в русской традиции употребления понятия „гражданин” нельзя выводить преемственность между ним и „горожанином”. Понятие „града” в русской традиции идеи из церковнославянского языка, означавшего „град” не столько как форму существования в пределах города, сколько часть государства¹³.

Новизна – в России отсутствовала позиция правового субъекта. Позиция „гражданина” определялась как позиция подданных, а значит обязанных. Для ее обозначения в *Регламенте или уставе главного магистрата Петра I* (1721) определяется через глаголы „стать”, „должен сделать”, „носить” (статус): „Яко часть общества должен ты сделать все то, что полезно для человека через усердие к государям своим”¹⁴. Дальнейшая эволюция понятия была связана с попыткой законодателя закрепить за ним прежде дарованный властью „новый” статус. Намерение монарха, однако, ограничилось декларативной попыткой наставления в деле составления нового Уложения. В знаменитом *Наказе* императрицы Екатерины II, опубликованном в 1767 году, монарх предписывает депутатам принять решение о равенстве подданных перед законом, исходя из нового понимания их статуса в империи: „А всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его ото всех сему правилу противных предприятий”¹⁵. Полагая, что единый для всех закон создаст в империи новый порядок, Екатерина II включает в текст *Наказа* понятие „гражданского

¹² Полное собрание законов Российской империи, т. 6, № 3708 [online:] www.ner.ru/e-res/law/r/descript.html (26.08.2018).

¹³ Г.В. Дуринова, *Слово как объект исторической семантики: гражданин и общество в русском языке второй половины XVIII – первой трети XIX вв.*, „Вестник ПСТГУ, Серия III: Филология” 2015, № 1 (41), с. 18-38; Д.В. Тимофеев, *Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного русского подданного первой четверти XIX в.*, Челябинск 2011.

¹⁴ Цит. по: Г.В. Дуринова, *Слово как объект исторической семантики...*, с. 32.

¹⁵ *Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения*, под ред. Н.Д. Чечулина, Санкт-Петербург 1907, с. 1-2.

общества”: „Гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются”¹⁶. В условиях монархии и сословного устройства страны „новый порядок” должен был стать привилегией, дарованной монархом, статус которого был специально уточнен в тексте *Наказа*, как нечто выше закона. История *Наказа* императрицы заканчивается быстрее, чем работа над составлением его текста: депутаты Уложенной комиссии обсудили пожелания монарха, высказавшись в верноподданнической манере за несвоевременность подобных нововведений.

Дальнейшие семантические конструкции „гражданства” были связаны с общественными инициативами просвещенной дворянской интеллигенции, стремящейся придать понятию новые смысловые нагрузки. Новые значения понятие обретает в контексте дворянской публицистики, развитие которой также происходит под влиянием идей эпохи Просвещения. В понятии „гражданин” начинают артикулироваться не только обязанности, дарованные властью, но и права, присущие человеку по факту рождения (естественные права) и права гражданские, интерес к которым был связан с общим ходом развития европейской общественно-политической мысли второй половины XVIII века. Образованная часть дворянской интеллигенции выступает с критикой абсолютизма, апеллируя к идеалам свободы и гражданского равенства перед законом.

Всякий государь, – полагал Николай Новиков, – утверждающий власть свою на неправосудии, скрывает пропасть, которую он или его преемники поглощены будут. Самые великие и жесточайшие возмущения не от чего иного произошли, как от своенравия и жестокостей государей [...] Если ж вместо пастыря народного... сделается монарх расхитителем оного, то покорность сему тирану учинится изменою против рода человеческого¹⁷.

Подобные слова стоили Новикову собственной свободы. Его типография была закрыта, а сам Новиков был заключен под стражу.

Современник Новикова Александр Радищев в своей критике самодержавия, как „наипротивнейшего человеческому естеству состояния”¹⁸, полностью разделяет учение о естественных правах человека:

¹⁶ Там же, с. 74.

¹⁷ Н.В. Коршунова, *Николай Иванович Новиков: „Худой человек всегда бывает и худой гражданин”*, [в:] *Российский либерализм: идеи и люди*, 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы, Москва 2007, с. 30.

¹⁸ А.Н. Радищев, *Полное собрание сочинений*, Москва-Ленинград 1938, т. 2, с. 282.

Человек родится в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеют члены, все имеют разум и волю. Следовательно, человек без отношения к обществу есть существо ни от кого не зависящее в своих деяниях [...]. Властитель в обществе есть закон, ибо он для всех один¹⁹.

Понятие „гражданина” для Радищева есть сосредоточие естественного состояния свободы, не зависящее от воли правителя: „Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда”²⁰.

Таким образом, возникновение и эволюция семантических значений понятия „гражданин” в российской истории XVIII века сопряжено с двумя тенденциями: во-первых, с намерениями монархов реформировать „великую машину (государство)”²¹, обеспечив правовой статус её подданных в условиях империи, во-вторых, обеспечение „блаженства граждан”²², как цель государства (согласно цитате Александра Н. Радищева), стало делом самих граждан, найдя теоретическое обоснование в трудах просвещенной дворянской интеллигенции.

Вывод

Подчеркивая важность истории понятий, Р. Козеллек указывает на две особенности историографии. С одной стороны, она исследует обстоятельства, которые ранее уже были вербально осознаны. Ключом к их интерпретации выступает анализ языка исторического источника. С другой стороны, она реконструирует обстоятельства, ранее вербально не артикулированные. В этом случае историография использует определенные категории, которые позволяют понять обстоятельства прошлого. Причем эти категории формулируются и берутся из современного языка. Так, экономические предпосылки раннего капитализма определяются при помощи категорий, которые в его эпоху еще не были известны, по крайней мере, не были отражены в языке эпохи. В обоих случаях методологическим средством познания прошлого выступает анализ языка и основных исторических понятий.

¹⁹ Там же, с. 314.

²⁰ Там же, с. 279.

²¹ А.Н. Радищев, *Полное собрание сочинений*, т. 3, с. 5-6.

²² Там же, с. 6.

Библиография

- Geschichte Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Einleitung*, hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck, Bd. 1 (A-D), Stuttgart 1972.
- Koselleck R., *Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte*, [in:] *Historische Semantik und Begriffsgeschichte*, hrsg. von R. Koselleck, Stuttgart 1979.
- Koselleck R., Spree U., Steinmetz W., *Drei bürgerliche Welten? Zur vergleichenden Semantik der bürgerlichen Gesellschaft in Deutschland, England und Frankreich*, [in:] *Bürger in der Gesellschaft der Neuzeit. Wirtschaft, Politik, Kultur*, hrsg. H.-J. Puhle, Bd. 1, Göttingen 1991.
- Lottes G., *Neue Ideengeschichte*, [в:] *Kompass der Geschichtswissenschaft: ein Handbuch*, hrsg. von J. Eibach, G. Lottes, Göttingen 2002, <https://doi.org/10.12946/rg01/246-248>.
- Schorn-Schütte L., *Neue Geistesgeschichte*, [in:] *Kompass der Geschichtswissenschaft*, hrsg. J. Eibach, G. Lottes, Göttingen 2002.
- Бёдекер Х.Э., *Размышления о методе истории понятий*, [в:] *История понятий, история дискурса, история метафор. Сборник статей*, под ред. Х.Э. Бёдекера, пер. с нем., Москва 2010.
- Гадамер Х. Г., *Актуальность прекрасного*, пер. с нем., Москва 1991.
- Интервью с Р. Козеллем, „Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории” 2005, № 15.
- История понятий, история дискурса, история менталитета. Сборник статей*, под ред. Х. Э. Бёдекера, пер. с нем., Москва 2010.
- Коршунова Н.В., Николай Иванович Новиков: „Худой человек всегда бывает и худой гражданин”, [в:] *Российский либерализм: идеи и люди*, 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы, Москва 2007.
- Лавджой А., *Великая цепь бытия. История идеи*, пер. с англ. В. Софронова-Антони, Москва 2001.
- Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения*, под ред. Н.Д. Чечулина, Санкт-Петербург 1907.
- Радищев А.Н., *Полное собрание сочинений*, Москва-Ленинград 1938, т. 1-3.
- Скиннер Кв., *The State*, [в:] *Понятие государства в четырех языках*, под ред. О. Хархордина, Санкт-Петербург – Москва 2002.
- Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т.*, пер. с нем. К. Левинсон, Москва 2014.
- Эксле О.Г., *История понятий – еще не понятая история*, [в:] *Одиссей: человек в истории. Школа и образование в Средние века и Новое время*, Москва 2010.

Информация об Авторе

Александр Александрович Турыгин (Aleksandr A. Turugin) – кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории, Костромской государственной университет (Кострома).

e-mail: aturigin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

